

«А ТЫ – ГАДКИЙ АМЕРИКАНЕЦ?» со множеством мультяшных вопросительных знаков. Кто-то схватил Элвуда за плечо. Он приготовился увидеть нависающий над ним разводной ключ, но рядом стоял мистер Хилл. Учитель истории пригласил Элвуда присоединиться к группе линкольнских старшеклассников. Билл Тадди и Элвин Тэйт, ребята из школьной команды по баскетболу, пожали ему руку. А ведь раньше они делали вид, что его не существует. Элвуд был до того увлечен грезами о справедливости, что ему не приходило в голову, что в школе есть и другие ученики, разделяющие его протестный пыл.

За следующий месяц шериф арестовал две с лишним сотни демонстрантов: их с презрением хватили за воротники, путив в лицо слезоточивый газ; но самая первая демонстрация прошла мирно. В этот раз к студентам Университета сельского хозяйства и машиностроения присоединились ребята из Технологического колледжа Мелвин-Григгс. И белые из Флоридского университета и Университета штата Флорида¹. А еще опытные активисты из Конгресса расового равенства. В тот день их освистывали белые – и стар, и млад, – но в потоке этих оскорблений Элвуд не услышал ничего такого, чего бы ему не кричали из окон автомобилей, когда он ехал на велосипеде по улице. Элвуду показалось, что в толпе раскрасневшихся белых парней он увидел Кэмерона Паркера, сына

¹ Флоридский университет находится в городе Гейнсвилл, а Университет штата Флорида – в Таллахасси.

ричмондского управляющего, и, когда он пошел с демонстрантами на новый круг, его догадка подтвердилась. Всего несколько лет назад они с Кэмероном менялись комиксами в переулке за отелем. Кэмерон его так и не узнал. Прямо перед глазами полыхнула вспышка, и Элвуд испуганно замер, но выяснилось, что фотограф делал снимки для газеты «Реджистер», а бабушка отказывалась ее читать, потому что расовый вопрос в ней рассматривался слишком уж однобоко. Какая-то студентка в синем свитере в обтяжку протянула ему плакат с надписью «Я — ЧЕЛОВЕК», и, когда демонстранты направились к Национальному кинотеатру, он поднял его над головой и во весь голос присоединился к гордому хору. В кинотеатре шел фильм «День, когда Марс напал на Землю», и в тот вечер Элвуду казалось, что и он за сегодня преодолел сотню тысяч миль.

Через три дня Гарриет обо всем узнала — кто-то из ее окружения видел Элвуда, и ровно столько времени потребовалось, чтобы до нее долетели эти новости. Последний раз она наказывала его ремнем много лет назад — теперь он был уже слишком взрослым, так что ей пришлось прибегнуть к давней джонсоновской тактике — молчанию. В семье ею пользовались еще со времен Реконструкции Юга, чтобы внушить жертве чувство, будто ее не существует. Еще бабушка запретила включать проигрыватель и, отдавая должное поддержке нынешней цветной молодежи, отнесла его к себе в спальню и придавила кирпичами. Они оба страдали молча.

Через неделю все дома вернулось на круги своя, вот только Элвуд изменился. Он стал *ближе*. На демонстрации он вдруг почувствовал, что стал *ближе* к самому себе. Всего на мгновение. Стоя под солнцем. Этого было достаточно, чтобы пробудить в нем новые грезы. Как только он поступит в колледж и съедет из их крошечного домика на Бревард-стрит, то заживет собственной жизнью. Будет водить девчонок в кино — хватит уже себе в этом отказывать! — определится, какие предметы станет изучать. Отыщет свое место в толпе юных мечтателей, посвятивших себя борьбе за процветание негритянского населения.

Последнее лето в Таллахасси пролетело быстро. Перед самыми каникулами мистер Хилл принес издание «Записок сына Америки» Джеймса Болдуина, и мир Элвуда перевернулся. «Негры — это американцы, и их судьба есть судьба страны». Выходит, он протестовал перед Флоридским кинотеатром вовсе не для того, чтобы защитить собственные права — или права тех, кто, как и он, принадлежит к черной расе; нет, он отстаивал права всех и каждого, даже тех, кто его освистывал. Моя борьба — это и ваша борьба, а ваше бремя — это и мое бремя. Но как донести эту мысль до людей? Он стал засиживаться допоздна — писал письма на тему расизма в «Таллахасси реджистер», где их так и не опубликовали, и в «Чикаго дефендер», где одно напечатали. «Мы спрашиваем старшее поколение: присоединитесь ли вы к нашей битве?» Застеснявшись, он никому не сказал о публикации и подписался псевдонимом: Арчер Монтгомери. Имя выглядело старомодным

и интеллигентным, и, лишь когда Элвуд увидел его напечатанным на бумаге, вдруг сообразил, что так звали его дедушку.

В июне дедушкой стал и мистер Маркони — это поворотное событие высветило в итальянце новые грани. Лавочка вдруг сделалась вместилищем его добродушного энтузиазма. Затяжное молчание сменилось уроками иммигрантской борьбы и эксцентричными советами по ведению бизнеса. Он стал порой закрываться на час раньше, чтобы успеть навестить внучку, но Элвуду платил за полную смену. В такие дни Элвуд шел на баскетбольные площадки — посмотреть, кто там играет. Сам он в игру не вмешивался, но после участия в протестах слегка осмелел и даже завел нескольких приятелей среди таких же зрителей. Это были ребята, жившие в паре улиц от Элвуда. Он заприметил их несколько лет назад, но заговаривать с ними не решался. А иногда он ходил гулять в центр с Питером Кумбсом, соседским парнишкой, который нравился Гарриет тем, что умел играть на скрипке и разделял с ее внуком любовь к книгам. Если у Питера не было репетиций, они бродили по магазинам, где продавались пластинки, и украдкой рассматривали обложки альбомов, которые им покупать запрещалось.

— А что такое *Дайнасаунд*? — спросил как-то раз Питер.

Новый музыкальный стиль? Особенный проигрыватель? Они понятия не имели.

В знойные деньки девчонки из Университета сельского хозяйства и машиностроения иногда за-

бегали в лавку за газировкой — Элвуд помнил их по демонстрации. Он спрашивал о протестных новостях, и они, вспыхнув от радости, делали вид, что узнали его. Не раз они принимали его за студента колледжа. Для него это было комплиментом, который только расцветивал новыми красками его мечты об отъезде из дома. Оптимизм придал Элвуду мягкости — он стал точно дешевая ириска с прилавка у кассы. И когда в июле мистер Хилл переступил порог лавочки и рассказал ему о своем предложении, он был готов тут же кинуться в бой.

Элвуд его не сразу узнал. Без цветастой бабочки на шее, в оранжевой клетчатой рубашке, из-под которой выглядывала майка, в модных солнечных очках мистер Хилл производил впечатление человека, который не вспоминал о работе несколько месяцев — не то что недель. Бывшего ученика он поприветствовал с ленивой беспечностью счастливица, чей отпуск продлится аж до конца лета. Он рассказал Элвуду, что впервые за долгое время никуда не уехал на каникулы.

— Мне и тут есть чем заняться, — признался он, кивнув в сторону тротуара. Там, прикрывая узенькой ладонью глаза от яркого солнца, стояла девушка в широкополой соломенной шляпе.

Элвуд спросил, не нужно ли чего мистеру Хиллу.

— Хочу кое-что тебе предложить, Элвуд, — ответил учитель. — Мой приятель поделился со мной одной идеей, и я тут же подумал о тебе.

Приятель мистера Хилла, активист, работал в Технологическом колледже Мелвин-Григгс — расположенном к югу от Таллахасси учебном за-

ведении для цветных. Там он последние три года преподавал английский язык и американскую литературу. До недавних пор начальство мало заботилось о судьбе колледжа, но новый президент основательно взялся за дело. В Мелвин-Григгс есть курсы для одаренных старшеклассников, но среди местных мало кто о них знает. Президент поделился проблемой с приятелем мистера Хилла, и тот предложил: может, в Линкольне есть талантливые ребята, которым это было бы интересно?

Элвуд стиснул метлу, которую держал в руках.

— Все это здорово, но, боюсь, у нас нет денег на такие курсы, — ответил он. А потом покачал головой: в самом деле, он ведь копил на учебу в колледже, так почему нельзя начать ее прямо сейчас, пока он еще учится в Линкольне?

— В этом-то все и дело, Элвуд: они бесплатные. Во всяком случае, этой осенью, чтобы привлечь побольше людей из местных.

— Мне надо обсудить это с бабушкой.

— Разумеется, Элвуд, — сказал мистер Хилл. — Если надо, я сам с ней поговорю. — Он опустил руку Элвуду на плечо. — Самое главное, что эти курсы уж точно пойдут на пользу такому юноше, как ты. Именно для таких учеников они и создавались!

Чуть позже, после полудня, гоняя по лавочке здоровую жужжащую муху, Элвуд решил, что в Таллахасси, пожалуй, не так уж много белых, которые учатся в колледже.

Отстающий должен либо плестись в хвосте до окончания века, либо поднажать и обогнать того, кто бежит впереди.

Гарриет отнеслась к предложению мистера Хилла благосклонно — слово «бесплатные» подействовало на нее, точно волшебное заклинание. А потом лето для Элвуда потянулось со скоростью черепахи. Так как приятель мистера Хилла преподавал английский, Элвуд планировал записаться на литературные курсы, и, даже узнав, что выбрать можно любое направление, не изменил своего решения. Обзорный курс британской литературы не нес в себе практической пользы, как заметила бабушка, но именно тем и притягивал Элвуда, — тем сильнее, чем больше он о нем думал. Слишком уж долго он пекся об одной лишь «практической пользе».

Как знать, может, в колледже выдадут новенькие учебники. Не исчерканные. В них нечего будет вымарывать. Такое ведь возможно.

Накануне первого учебного дня в колледже мистер Маркони позвонил Элвуда к кассе. Из-за занятий на курсах Элвуду предстояло пропускать четверговые смены, и он было подумал, что босс хочет удостовериться, все ли он оставляет в лавочке в порядке на время своей отлучки. Итальянец прочистил горло и подтолкнул к нему коробочку, обитую бархатом.

— На вот, учись, — сказал он.

Внутри лежала перьевая ручка темно-синего цвета с латунной отделкой. Красивый подарок, даже если мистер Маркони приобрел его по скидке, пользуясь тем, что хозяин канцелярского магазинчика был его давним клиентом. Они обменялись по-мужски крепкими рукопожатиями.

Гарриет пожелала ему удачи. Перед школой она каждое утро оценивала его внешний вид, следя за

тем, чтобы он выглядел опрятным, но обычно не вносила никаких корректив — разве что снимала с ткани приставшую ворсинку. Так было и на этот раз.

— Какой же ты красавец, Эл! — сказала она и, поцеловав внука в щеку и вскинув плечи — она всегда так делала, когда пыталась не расплакаться на глазах у Элвуда, — пошла к автобусной остановке.

Элвуду до того не терпелось увидеть Мелвин-Григгс, что он отправился туда сразу после школьных уроков, хотя времени до начала занятий оставалось еще много. В тот вечер, когда ребята поставили ему синяк, два звена на велосипедной цепи погнулись, и с тех пор она постоянно слетала во время долгих поездок. Так что ему предстояло либо поймать попутку, либо пройти семь миль пешком. Войти в ворота, погулять по кампусу, затеряться среди корпусов, а может, просто посидеть на лавочке во дворе, окунуться в здешнюю атмосферу.

Он остановился на углу Олд-Бэйнбридж и стал ждать какого-нибудь темнокожего водителя, направляющегося в сторону шоссе. Мимо пронеслось два пикапа, а потом рядом притормозил сверкающий зеленый «плимут-фьюри» шестьдесят первого года, приземистый и с «плавниками», как у гигантского сома. Водитель наклонился в сторону Элвуда и открыл пассажирскую дверцу.

— Я на юг, — сообщил он.

Зеленовато-белое сиденье, обтянутое винилом, скрипнуло, когда Элвуд на него опустился.

— Родни, — представился водитель. Невысокий и коренастый, в сером костюме в тонкую сиреневую полоску, он сидел в кресле развалившись и на-

поминал темнокожую версию Эдварда Робинсона. Когда он пожал Элвуду руку, кольца на его пальцах вонзились ему в кожу, и Элвуд поморщился.

— Элвуд, — представился он в ответ и, пристроив портфель между ног, посмотрел на серебристую, точно аэрокосмическую, панель «плимута», из которой торчало множество кнопок.

Они устремились на юг, в сторону трассы 636. Родни барабанил по кнопкам, тщетно пытаясь построить радио.

— Никак я с ним не разберусь. Давай ты.

Элвуд тоже потыкал в кнопки и нашел станцию, где крутили музыку в стиле ритм-энд-блюз. Он уже собирался переключиться, когда осознал, что Гарриет тут нет и никто не станет ворчать на двусмысленность песен, пускаясь в туманные разъяснения и оставляя Эвуда в замешательстве и смятении. Он остался на той же радиоволне. Звучала какая-то композиция в духе ду-вопа. От волос Родни исходил аромат тоника, которым пользовался мистер Маркони. От него воздух в салоне стал тягучим и едким. Даже в выходной Элвуду не удалось сбежать от этого запаха.

Родни возвращался от матушки, которая жила в Валдосте. Он сказал, что никогда раньше не слышал о Мелвин-Григгс, что слегка уязвило гордость Элвуда, которую он испытывал в этот знаменательный для него день.

— Ах, колледж, — проговорил Родни и присвистнул. — Сам-то я в четырнадцать лет уже начал работать на фабрике стульев, — добавил он.

— Я тоже работаю: в табачной лавке, — сказал Элвуд.

— Вот оно что, — произнес Родни.

Радиоведущий зачитал объявление о воскресной ярмарке. А потом пустили рекламу Фан-тауна, и Элвуд стал вполголоса подпевать.

— Это еще что такое? — спросил Родни. Он шумно выдохнул и ругнулся. Почесал рукой свой крупный нос.

В зеркале заднего вида замигали красные огоньки патрульной машины.

Они ехали по сельской местности, и других автомобилей на дороге не было. Родни что-то проворчал себе под нос и свернул на обочину. Элвуд положил портфель себе на колени, и Родни велел ему сохранять спокойствие.

Сзади в нескольких ярдах от них припарковался автомобиль белого полицейского. Он вышел из машины, положил левую руку на кобуру и направился в их сторону. Затем он снял солнечные очки и убрал их в нагрудный карман.

— Мы с тобой незнакомы, — произнес Родни.

— Незнакомы, — подтвердил Элвуд.

— Я ему так и скажу.

Полицейский тем временем уже держал в руке пистолет.

— Первое, о чем я подумал, когда мне передали ориентировку на «плимут», — сказал он, — такую машину сопрет только ниггер.